САМОВАРЪ.

(Быль).

На Нижегородской ярмаркѣ, въ Тульскомъ ряду, нѣсколько большихъ лавокъ заняты одними самоварами. Въ одну изъ такихъ лавокъ зашелъ Трофимъ Ивановичъ, какъ честилъ его хозяинъ (онъ же и самъ мастеръ), честилъ, какъ хорошаго покупателя, отправляющаго въ Сибирь цѣлые обозы самоваровъ. Мастеръ много лѣтъ знакомъ былъ Трофиму Ивановичу, который бывалъ ежегодно на ярмаркѣ, всегда закупалъ сотни самоваровъ, никогда не обходилъ лавку своего стараго пріятеля, и оба, сошедшись теперь вновь черезъ годъ, благодарили другъ друга и увѣряли, что оба другъ другомъ остались довольны.

А это у тебя, Степанъ Андреевичъ, какой товаръ, вотъ въ мѣстахъ?

Да извѣстно, какому больше у насъ быть товару: все тотъ же. Это маленькіе самовары, азіатскіе.

Имъ собакамъ только и знать бы свои самовары, маленькіе; а то вотъ сдѣлалъ ты имъ, сказываютъ, одинъ большой, такъ два государства и разодрались изъ–за него, и стали воевать!

Какъ такъ, Трофимъ Ивановичъ?

А какъ же, нешто не слышалъ? — Да вѣдь ты, сказываютъ, работалъ Бохарцамъ, Абдрахманову, большущій самоваръ?

Правда, я работалъ въ запрошломъ году; самоварище ведеръ въ десять: на хана, что ли, сказывалъ Абдрахманъ, про случай, для большихъ пировъ; третьяго года заказалъ, и задатокъ далъ, а въ прошломъ взялъ; ну, что же?

Ну что же, развѣ не слышалъ, что было съ самоваромъ этимъ?

Нѣтъ, не слыхалъ; скажи пожалуй, коли не шутишь!

Какая тутъ шутка! Тутъ чай не одинъ десятокъ головъ слетѣло за твой самоваръ,

да и впередъ еще что Богъ дастъ: вотъ ты какого грѣха надѣлалъ!

Какъ пошелъ караванъ Бохарскій отъ насъ, то самоварище твой на арбу погрузили, и пару верблюдовъ запрягли. Ну и пошли съ Богомъ, все ничего. Вотъ стали подходить къ Акмечети, къ пограничному городу Коканскому, черезъ который идетъ Бохарскій караванъ, и прослышали за недѣлю ходу до него, что вышла изъ Кокана шайка ханскаго войска, будто для охраны и для сбора пошлины, а чуть ли де она не собирается ограбить караванъ. Вишь Бохарскій эмиръ въ дружбѣ съ Коканскимъ бекомъ, такъ въ городѣ у себя ограбить не хорошо; онъ и выслалъ встрѣчу, чтобъ обобрать хоть золото, сколько найдется его — а самъ, извѣстное дѣло, послѣ отопрется; скажетъ: и знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; это все шалятъ Киргизы ваши съ Сыръ–Дарьи; а у меня, благодаря Бога, все спокойно.

Вотъ знаешь, нашлись добрые люди, за добрый пишкешъ, за гостинецъ, что дали знать ночью караванъ–башу о такой бѣдѣ.

Въ караванѣ тотчасъ распорядились: товару дѣвать не куда, не укроешь; а что у кого золота было, денегъ, то все завязали въ узелки, да подъ огнище, гдѣ варятъ варево въ котлѣ, и зарыли въ землю. Коли, вишь, закопать его гдѣ въ другомъ мѣстѣ, такъ будетъ знать, — свѣжая земля продастъ; а тутъ, подъ огнемъ да подъ пепломъ, свѣжей землицы и не видать. Ну рано утромъ Коканцы и набѣжали, и прикидываются Киргизами, и будто пришли съ Сыръ–Дарьи грабить Коканцевъ; допрашиваютъ они сперва, будто путемъ, караванщиковъ, что за люди, не Коканцы ли? Ну, а коли де вы Бохарцы, такъ пріятели намъ, и обижать васъ не станемъ, ступайте съ Богомъ — только дайте намъ на бѣдность по два золотыхъ съ верблюда. Бохарцы божатся, клянутся, что обезденежили; нѣтъ ничего, кромѣ товару. Ну, давай обыскивать. Искали, искали, не нашли денегъ почти ничего, кромѣ пары цѣлковыхъ, и добрались до арбы. Самоваръ твой напугалъ было ихъ: думали, что пушка. Однако, надивившись ему, не посмѣли

разграбить товаръ, — потому что это по ихнему обычаю называется прямой грабежъ; а сорвать деньгами можно, значитъ не ограбили каравана, а только взяли пошлину. Денегъ много не нашли и отпустили караванъ. Крѣпко побаивались караванщики, чтобъ шайка эта не вздумала присѣсть погрѣться вокругъ огнища, да отпустивъ караванъ, не заночевала бы тутъ; однако, видно Богъ милостивъ былъ, услышалъ молитвы ихъ, — убралася шайка, убрался и караванъ благополучно, и золото все въ цѣлости забрали съ собой.

Одно дѣло сдѣлано, пришло другое. Гонецъ изъ шайки пріѣхалъ впередъ въ Акмечеть и разсказалъ беку, что и какъ было: плуты Бохарцы деньги спрятали куда нибудь — не нашли мы ничего; а вотъ-де есть у нихъ вещь, невиданная и неслыханная: самоваръ больше пушки!

Не зналъ бекъ Акмечетскій, какъ вѣрить гонцу въ такихъ сказкахъ; однако выѣхавъ самъ встрѣчать караванъ въ сараѣ, гдѣ пристаютъ они, приказалъ остановить напередъ всего арбу и раскутать самоваръ.

Какъ влѣзъ онъ на арбу эту, да какъ разсмотрѣлъ, какую диковинную вещь везутъ, то и объявилъ тотчасъ караванъ–башу, что беретъ самоваръ въ пошлину съ каравана, на своего Коканскаго хана; а купцы пусть–де расчитываются между собою.

Испугался караванъ–башъ, самъ первый торговецъ; говоритъ, что самовара отдать нельзя, самоваръ веземъ своему эмиру. Ну, не прогнѣвается эмиръ вашъ, отвѣчалъ бекъ, напьется изъ уполовника; а я самоваръ беру. Поворачивай арбу.

Сутки цѣлые кричали и шумѣли Бохарцы: то плакали, кланялись и просили, — то бранились и грозили, — все ни почемъ; самоваръ такъ полюбился Коканцамъ, что заперли его въ кладовую, въ землянку, на дворѣ бека, губернатора то есть; приставили къ нему караулъ и объявили Бохарцамъ: хоть семь лѣтъ живите, хоть женъ сюда перевозите, а самовара не видать вамъ, какъ ушей своихъ; онъ пошелъ на хана, за пошлину.

Пришелъ караванъ въ Бохару, и съ плачемъ купцы разсказали хану о такой бѣдѣ и обидѣ. Караванъ–башъ кинулся ему въ ноги и лежалъ долго; однако ханъ приказалъ отстегать его порядкомъ, за то, что отдалъ самоваръ. Отстегавши его, самъ тотчасъ поднялся съ войскомъ и пошелъ на Акмечеть отбивать самоваръ. Намѣсто того, самого его побили; а воротившись въ Бохару, слышитъ, что тутъ нашелся кранъ отъ большаго самовара. Кранъ этотъ былъ вынутъ и уложенъ особо, и пришелъ съ тюками въ Бохару; его принесли, какъ побѣдный трофей и какъ доказательство величины самовара. Эмиръ разсмотрѣлъ кранъ, и положилъ итти войной на Коканъ на тотъ годъ. Между тѣмъ Коканскій ханъ, получивъ самоваръ безъ крана, приказалъ отстегать Акмечетскаго бека за эту оплошность, и сталъ собираться съ войскомъ въ Бохару за краномъ. Подай мой самоваръ, — говоритъ Бохарскій эмиръ, — нѣтъ, ты подай мой кранъ, говоритъ ханъ Коканскій. Два лѣта, сударь мой, воюютъ — и прошлое, и нынѣшнее — вотъ я выѣзжалъ

изъ Семипалатинска, такъ опять объ этомъ вѣсть пришла, и Богу одному извѣстно, чѣмъ дѣло кончатъ!

Вотъ, Степанъ Андреевичъ, какихъ вы бѣдъ надѣлали съ своимъ самоваромъ!